

М. Горький

Дело Артамоновых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г71

Г71 **Горький М.**
Дело Артамоновых / М. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. – 184 с.

ISBN 978-5-4241-1591-2

"Дело Артамоновых" (1925) - семейная хроника трех поколений Артамоновых, владельцев ткацкой фабрики в одном из русских захолустных городов, которая дана на фоне общественного развития страны с 1861 по 1917 год. В противоположность истории буржуазной семьи в повести изображены три поколения ткачей Морозовых.

ISBN 978-5-4241-1591-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Горький, 2021

Горький Максим
Дело Артамоновых

М.Горький
Дело Артамоновых
РОМЭНУ РОЛЛАНУ ЧЕЛОВЕКУ, ПОЭТУ

I

Года через два после воли (т.е. после отмены крепостного права в 1861 г. - Ред.), за обедней в день преображения господня (6 августа по ст. стилю, т.ж. яблочный спас - Ред.), прихожане церкви Николая на Тычке заметили "чужого", - ходил он в тесноте людей, невежливо поталкивая их, и ставил богатые свечи перед иконами, наиболее чтимыми в городе Дрёмове. Мужчина могучий, с большою, колечками, бородой, сильно тронутой проседью, в плотной шапке черноватых, по-цыгански курчавых волос, носище крупный, из-под бугристых, густых бровей дерзко смотрят серые, с голубинкой, глаза, и было отмечено, что когда он опускал руки, широкие ладони его касались колен.

Ко кресту он подошёл в ряду именитых горожан; это особенно не понравилось им, и, когда обедня отошла, виднейшие люди Дрёмова остановились на паперти поделиться мыслями о чужом человеке. Одни говорили - прасол (мясник - Ред.), другие - бурмистр (управляющий в имении - Ред.), а городской староста Евсей Баймаков, миролюбивый человек плохого здоровья, но хорошего сердца, сказал, тихонько покашливая:

- Уповательно - из дворовых людей, егерь или что другое по части барских забав.

А суконщик Помялов, по прозвищу Вдовый Таракан, суетливый сластолюбец, любитель злых слов, человек рябой, и безобразный, недоброжелательно выговорил:

- Видали,- лапы-те у него какovy длинные? Вон как идёт, будто это для него на всех колокольнях звонят.

Широкоплечий, носатый человек шагал вдоль улицы твёрдо, как по своей земле; одет в синюю поддёвку добротного сукна, в хорошие юфтовые (из бычьей кожи, выделанной по русскому способу, на чистом дёгте - Ред.) сапоги, руки сунул в карманы, локти плотно прижал к бокам. Поручив просвирне (женщина в каждом приходе, приставленная для печенья просвир; обычно вдова духовного звания - Ред.) Ерданской узнать подробно, кто этот человек, горожане разошлись, под звон колоколов, к пирогам, приглашённые Помяловым на вечерний чай в малинник к нему.

После обеда другие дрёмовцы видели неведомого человека за рекою, на "Коровьем языке", на мысу, земле князей Ратских; ходил человек в кустах тальника, меряя песчаный мыс ровными, широкими шагами, глядел из-под ладони на город, на Оку и на петлисто запутанный приток её, болотистую речку Ватаракшу (устар. негодный, неуклюжий - Ред.). В Дрёмове живут люди осторожные, никто из них не решился крикнуть ему, спросить: кто таков и что делает? Но всё-таки послали будочника Машку Ступу, городского шута и пьяницу; бесстыдно, при всех людях и не стесняясь женщин, Ступа снял казённые штаны, а измятый кивер (головной убор - Ред.) оставил на голове, перешёл илистую Ватаракшу вброд, надул свой пьяный животище, смешным, гусиным шагом подошёл к чужому и, для храбрости, нарочито громко спросил:

- Кто таков?

Не слышно было, как ответил ему чужой, но Ступа тотчас же возвратился к

своим людям и рассказал:

- Спросил он меня: что ж ты это какой безобразный? Глазищи у него злые, похож на разбойника.

Вечером, в малинике Помялова, просвирия Ерданская, зобатая женщина, знаменитая гадалка и мудрица, вытаращив страшные глаза, доложила лучшим людям:

- Зовут - Илья, прозвище - Артамонов, сказал, что хочет жить у нас для своего дела, а какое дело - не допыталась я. Приехал по дороге из Воргорода, тою же дорогой и отбыл в три часа - в четвёртом.

Так ничего особенного и не узнали об этом человеке, и было это неприятно, как будто кто-то постучал ночью в окно и скрылся, без слов предупредив о грядущей беде.

Прошло недели три, и уже почти затянуло рубец в памяти горожан, вдруг этот Артамонов явился сам-четвёрт прямо к Баймакову и сказал, как топором рубя:

- Вот тебе, Евсей Митрич, новые жители под твою умную руку. Пожалуй, помоги мне укрепиться около тебя на хорошую жизнь.

Дельно и кратко рассказал, что он человек князей Ратских из курской их вотчины на реке Рати; был у князя Георгия приказчиком, а, по воле, отошёл от него, награждён хорошо и решил своё дело ставить: фабрику полотна. Вдов, детей зовут: старшего - Пётр, горбатого - Никита, а третий - Олёшка, племянник, но - усыновлён им, Ильёй.

- Лён мужики наши мало сеют, - раздумчиво заметил Баймаков.

- Заставим сеять больше.

Голос Артамонова был густ и груб, говорил он, точно в большой барабан бил, а Баймаков всю свою жизнь ходил по земле осторожно, говорил тихо, как будто боясь разбудить кого-то страшного. Мигая ласковыми глазами печального сиреневого цвета, он смотрел на ребят Артамонова, каменные стоявших у двери; все они были очень разные: старший - похож на отца, широкогрудый, брови срослись, глаза маленькие, медвежьи, у Никиты глаза девичьи, большие и синие, как его рубаха, Алексей - кудрявый, румяный красавец, белокож, смотрит прямо и весело.

- В солдаты одного? - спросил Баймаков.

- Нет, мне дети самому нужны; квитанцию имею.

И, махнув на детей рукою, Артамонов приказал:

- Выдьте вон.

А когда они тихо, гуськом один за другим и соблюдая старшинство, вышли, он, положив на колено Баймакова тяжёлую ладонь, сказал:

- Евсей Митрич, я заодно и сватом к тебе: отдай дочь за старшего моего.

Баймаков даже испугался, привскочил на скамье, замахал руками.

- Что ты, бог с тобой! Я тебя впервые вижу, кто ты есть - не знаю, а ты - эо! Дочь у меня одна, замуж ей рано, да ты и не видал её, не знаешь какова... Что ты?

Но Артамонов, усмехаясь в курчавую бороду, сказал:

- Про меня - спроси исправника, он князю моему довольно обязан, и ему князем писано, чтоб чинить мне помощь во всех делах. Худого - не услышишь, вот те порука - святые иконы. Дочь твою я знаю, я тут, у тебя в городе, всё знаю, четыре раза неприметно был, всё выспросил. Старший мой тоже здесь бывал и

дочь твою видел - не беспокойся!

Чувствуя себя так, точно на него медведь навалился, Баймаков попросил гостя:

- Ты погоди...

- Недолго - могу, а долго годить - года не годятся, - строго сказал напористый человек и крикнул в окно, на двор:

- Идите, кланяйтесь хозяину.

Когда они, простясь, ушли, Баймаков, испуганно глядя на иконы, трижды перекрестился, прошептал:

- Господи - помилуй! Что за люди? Сохрани от беды.

Он поплёлся, пристукивая палкой, в сад, где, под липой, жена и дочь варили варенье. Дородная, красивая жена спросила:

- Какие это молодцы на дворе стояли, Митрич?

- Неизвестно. А где Наталья?

- За сахаром пошла в кладовку.

- За сахаром, - сумрачно повторил Баймаков, опускаясь на дерновую скамью. - Сахар. Нет, это правду говорят: от воли - большое беспокойство будет людям.

Присмотревшись к нему, жена спросила тревожно:

- Ты - что? Опять неможетсяя?

- Душа у меня взныла. Думается - человек этот пришёл сменить меня на земле.

Жена начала утешать его.

- Полно-ко! Мало ли теперь людей из деревень в город идёт.

- То-то и есть, что идут. Я тебе покамест ничего не скажу, дай подумаю...

Через пятеро суток Баймаков слёг в постель, а через двенадцать - умер, и его смерть положила ещё более густую тень на Артамонова с детьми. За время болезни старосты Артамонов дважды приходил к нему, они долго беседовали один на один; во второй раз Баймаков позвал жену и, устало сложив руки на груди, сказал:

- Вот - с ней говори, а я уж, видно, в земных делах не участник. Дайте - отдохну.

- Пойдём-ка со мной, Ульяна Ивановна, - приказал Артамонов и, не глядя, идёт ли хозяйка за ним, вышел из комнаты.

- Иди, Ульяна; уповательно - это судьба, - тихо посоветовал староста жене, видя, что она не решается следовать за гостем. Она была женщина умная, с характером, не подумав - ничего не делала, а тут вышло как-то так, что через час времени она, возвратясь к мужу, сказала, смахивая слёзы движением длинных, красивых ресниц:

- Что ж, Митрич, видно, и впрямь - судьба; благослови дочь-то.

Вечером она подвела к постели мужа пышно одетую дочь, Артамонов толкнул сына, парень с девушкой, не глядя друг на друга, взялись за руки, опустили на колени, склонив головы, а Баймаков, задыхаясь, накрыл их древней, отеческой иконой в жемчугах.

- Во имя отца и сына... Господи, не оставь милостью чадо моё единое!

И строго сказал Артамонову:

- Помни, - на тебе ответ богу за дочь мою!

Тот поклонился ему, коснувшись рукою пола.

- Знаю.

И, не сказав ни слова ласки будущей снохе, почти не глядя на неё и сына, мотнул головою к двери:

- Идите.

А когда благословленные ушли, он присел на постель больного, твёрдо говоря:

- Будь покоен, всё пойдёт, как надо. Я - тридцать семь лет безнаказанно служил князьям моим, а человек - не бог, человек - не милостив, угодить ему трудно. И тебе, сватья Ульяна, хорошо будет, станешь вместо матери парням моим, а им приказано будет уважать тебя.

Баймаков слушал, молча глядя в угол, на иконы, и плакал, Ульяна тоже всхлипывала, а этот человек говорил с досадой:

- Эх, Евсей Митрич, рано ты отходишь, не сберёг себя. Мне бы ты вот как нужен, позарез!

Он шаркнул рукою поперёк бороды, вздохнул шумно.

- Знаю я дела твои: честен ты и умён достаточно, пожить бы тебе со мной годов пяток, заворотили бы мы дела, - ну - воля божья!

Ульяна жалобно крикнула:

- Что ты, ворон, каркаешь, что ты нас пугаешь? Может, ещё...

Но Артамонов встал и поклонился в пояс Баймакову, как мёртвому:

- Спасибо за доверие. Прощайте, мне надо на Оку, там барка с хозяйством пришла.

Когда он ушёл, Баймакова обиженно завывла:

- Облом деревенский, наречённой сыну невесте словечка ласкового не нашёл сказать!

Муж остановил её:

- Не ной, не тревожь меня.

И сказал, подумав:

- Ты - держись его: этот человек, уповательно, лучше наших.

Баймакова почётно хоронил весь город, духовенство всех пяти церквей. Артамоновы шли за гробом вслед за женой и дочерью усопшего; это не понравилось горожанам; горбун Никита, шагавший сзади своих, слышал, как в толпе ворчали:

- Неизвестно кто, а сразу на первое место лезет.

Вращая круглыми глазами цвета дубовых жёлудей, Помялов нашептывал:

- И Евсей, покойник, и Ульяна - люди осторожные, зря они ничего не делали, стало быть, тут есть тайность, стало быть, соблазнил их чем-то коршун этот, иначе они с ним разве породнились бы?

- Да-а, тёмное дело.

- Я и говорю - тёмное. Наверно - фальшивые деньги. А ведь каким будто праведником жил Баймаков-то, а?

Никита слушал, склоня голову, и выгибал горб, как бы ожидая удара. День был ветреный, ветер дул вслед толпе, и пыль, поднятая сотнями ног, дымным облаком неслась вслед за людьми, густо припудривая намащенные волосы обнажённых голов. Кто-то сказал:

- Гляди, как Артамонова нашей пылью наперчило, - посерел, цыган...

На десятый день после похорон мужа Ульяна Баймакова с дочерью ушла в

монастырь, а дом свой сдала Артамонову. Его и детей точно вихрем крутило, с утра до вечера они мелькали у всех на глазах, быстро шагая по всем улицам, торопливо крестясь на церкви; отец был шумен и неистов, старший сын угрюм, молчалив и, видимо, робок или застенчив, красавец Олѣшка - задорен с парнями и дерзко подмигивал девицам, а Никита с восходом солнца уносил острый горб свой за реку, на "Коровий язык", куда грачами слетелись плотники, каменщики, возводя там длинную кирпичную казарму и в стороне от неё, под Окою, двухэтажный большой дом из двенадцативершковых брёвен, дом, похожий на тюрьму. Вечерами жители Дрёмова, собравшись на берегу Ватаракши, грызли семена тыквы и подсолнуха, слушали храп и визг пил, шарканье рубанков, садкое тьяпанье острых топоров и насмешливо вспоминали о бесплодности построения Вавилонской башни, а Помялов утешительно предвещал чужим людям всякие несчастья:

- Весною вода подтопит безобразные постройки эти. И - пожар может быть: плотники курят табак, а везде - стружка.

Чахоточный поп Василии вторил ему:

- На песце строят.

- Нагонят фабричных - пьянство начнётся, воровство, распутство.

Огромный, налитый жиром, раздутый во все стороны мельник и трактирщик Лука Барский хриплым басом утешал:

- Людей больше - кормиться легче. Ничего, пускай работают люди.

Очень смелый горожан Никита Артамонов; он вырубил и выкорчевал на большом квадрате кусты тальника, целые дни черпал жирный ил Ватаракши, резал торф на болоте и, подняв горб к небу, возил торф тачкой, раскладывая по песку чёрными кучками.

- Огород затекает, - догадались горожане. - Экой дурак! Разве песок удобришь?

На закате солнца, когда Артамоновы гуськом, отец впереди, переходили вброд через реку и на зеленоватую воду её ложились их тени, Помялов указывал:

- Смотрите, смотрите, - стень-то какая у горбатого!

И все видели, что тень Никиты, который шёл третьим, необычно трепетна и будто тяжелее длинных теней братьев его. Как-то после обильного дождя вода в реке поднялась, и горбун, запнувшись за водоросли или оступясь в яму, скрылся под водою. Все зрители на берегу отрадно захохотали, только Ольгушка Орлова, тринадцатилетняя дочь пьяницы часовщика, крикнула жалобно:

- Ой, ой - утонет!

Ей дали подзагыльник.

- Не ори зря.

Алексей, идя последним, нырнул, схватил брата, поставил на ноги, а когда они, оба мокрые, выпачканные илом, поднялись на берег, Алексей пошёл прямо на жителей, так что они расступились пред ним, и кто-то боязливо сказал:

- Ишь ты, зверёныш...

- Не любят нас, - заметил Пётр; отец, на ходу, взглянул в лицо ему:

- Дай срок - полюбят.

И обругал Никиту:

- Ты, чуцело! Гляди под ноги, не смехи народ. Нам не на смех жить, барабан!

Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь, хозяйство их вела толстая старуха, вся в чёрном, она повязывала голову чёрным платком так, что, концы его торчали рогами, говорила каким-то мятым языком, мало и непонятно, точно не русская; от неё ничего нельзя было узнать об Артамоновых.

- Монахами притворяются, разбойники...

Дознано было, что отец и старший сын часто ездят по окрестным деревням, подговаривая мужиков сеять лён. В одну из таких поездок на Илью Артамонова напали беглые солдаты, он убил одного из них кистенём, двухфунтовой гирей, привязанной к сырмятному ремню, другому проломил голову, третий убежал. Исправник похвалил Артамонова за это, а молодой священник бедного Ильинского прихода наложил эпитимью за убийство - сорок ночей простоять в церкви на молитве.

Осенними вечерами Никита читал отцу и братьям жития святых, поучения отцов церкви, но отец часто перебивал его:

- Высока премудрость эта, не достигнуть её нашему разуму. Мы - люди черно-рабочие, не нам об этом думать, мы на простое дело родились. Покойник князь Юрий семь тысяч книг перечитал и до того в мысли эти углубился, что и веру в бога потерял. Все земли объездил, у всех королей принят был знаменитый человек! А построил суконную фабрику - не пошло дело. И - что ни затевал, не мог оправдать себя. Так всю жизнь и прожил на крестьянском хлебе.

Говоря, он произносил слова чётко, задумываясь, прислушиваясь к ним, и снова поучал детей:

- Вам жить- трудно будет, вы сами себе закон и защита. Я вот жил не своей волей, а - как велено. И вижу: не так надо, а поправить не могу, дело не моё, господское. Не только сделать по-своему боялся, а даже и думать не смел, как бы свой разум не спутать с господским. Слышишь, Пётр?

- Слышу.

- То-то. Понимай. Живёт человек, а будто нет его. Конечно, и ответа меньше, не сам ходишь, тобой правят. Без ответа жить легче, да - толку мало.

Иногда он говорил час и два, всё спрашивая: слушают ли дети? Сидит на печи, свеся ноги, разбирая пальцами колечки бороды, и не торопясь куёт звено за звеном цепи слов. В большой, чистой кухне тёплая темнота, за окном посвистывает вьюга, шёлково гладит стекло, или трещит в синем холоде мороз. Пётр, сидя у стола перед сальной свечою, шуршит бумагами, негромко шёлкает косточками счёт, Алексей помогает ему, Никита искусно плетёт корзины из прутьев.

- Вот - воля нам дана царём-государем. Это надо понять: в каком расчёте воля? Без расчёта и овцу из хлева не выпустишь, а тут - весь народ, тысячи тысяч, выпущен. Это значит: понял государь - с господ немного возьмёшь, они сами всё проживают. Георгий, князь, ещё до воли, сам догадался, говорил мне: подневольная работа - невыгодна. Вот и оказано нам доверие для свободной работы. Теперь и солдат не двадцать пять лет ружье таскать будет, а - иди-ка, работай! Теперь всяк должен показать себя, к чему годен. Дворянству - конец подписан, теперь вы сами дворяне, - слышите?

Ульяна Баймакова прожила в монастыре почти три месяца, а когда вернулась домой, Артамонов на другой же день спросил её:

- Скоро свадьбу состроим?

Она возмутилась, сердито сверкнув глазами.

- Что ты, опомнись! Полугода не прошло со смерти отца, а ты... Али греха не знаешь?

Но Артамонов строго остановил её:

- Греха я тут, сватя, не вижу. То ли ещё господа делают, а бог терпит. У меня - нужда: Петру хозяйка требуется.

Потом он спросил: сколько у неё денег? Она ответила:

- Больше пятисот не дам за дочь!

- Дашь и больше, - уверенно и равнодушно сказал большой мужик, в упор глядя на неё. Они сидели за столом друг против друга, Артамонов облокотясь, запустив пальцы обеих рук в густую шерсть бороды, женщина, нахмутив брови, опасно выпрямилась. Ей было далеко за тридцать, но она казалась значительно моложе, на её сытом, румянном лице строго светились сероватые умные глаза. Артамонов встал, выпрямился.

- Красивая ты, Ульяна Ивановна.

- Ещё чего скажешь? - сердито и насмешливо спросила она.

- Ничего не скажу.

Он ушёл неохотно, тяжело шаркая ногами, а Баймакова, глядя вслед ему и, кстати, скользнув глазами по льду зеркала, шепнула с досадой:

- Бес бородатый. Ввязался...

Чувствуя себя в опасности пред этим человеком, она пошла наверх к дочери, но Натальи не оказалось там; взглянув в окно, она увидела дочь на дворе у ворот, рядом с нею стоял Пётр. Баймакова быстро сбежала по лестнице и, стоя на крыльце, крикнула:

- Наталья - домой!

Пётр поклонился ей.

- Не порядок это, молодец хороший, без матери беседовать с девицей, чтобы впредь не было этого!

- Она мне наречённая, - напомнил Пётр.

- Всё едино; у нас свои обычаи, - сказала Баймакова, но спросила себя:

"Что это я рассердилась? Молодым, да не миловаться. Нехорошо как. Будто позавидовала дочери".

В комнате она больно дёрнула дочь за косу, всё-таки запретив ей говорить с женихом с глаза на глаз.

- Хоть он и благословенный тебе, да ещё - либо дождик, либо снег, либо - будет, либо - нет, - сурово сказала она.

Тёмная тревога мутила её мысли; через несколько дней она пошла к Ерданской погадать о будущем, - к знахарке, зобатой, толстой, похожей на колокол, все женщины города сносили свои грехи, страхи и огорчения.

- Тут гадать не о чем, - сказала Ерданская, - я тебе, душа, прямо скажу: ты за этого человека держись. У меня не зря глаза на лоб лезут, - я людей знаю, я их проникаю, как мою колоду карт. Ты гляди, как он удачлив, все дела у него шаром катятся, наши-то мужики только злые слюни пускают от зависти к нему. Нет, душа, ты его не бойся, он не лисой живёт, а медведем.

- То-то что медведем, - согласилась вдова и, вздохнув, рассказала гадалке:

- Боюсь; с первого раза, когда он посватал дочь, - испугалась. Вдруг, как будто из тучи упал никому неведомый и в родню полез. Разве эдак-то бывает? Помню, говорит он, а я гляжу в наглые глазищи его и на все слова дакаю, со всем

соглашаюсь, словно он меня за горло взял.

- Это значит: верит он силе своей, - объяснила премудрая просвирня.

Но всё это не успокоило Баймакову, хотя знахарка, провожая её из своей тёмной комнаты, насыщенной душным запахом лекарственных трав, сказала на прощанье:

- Помни: дураки только в сказках удачливы...

Подозрительно громко хвалила она Артамонова, так громко и много, что казалась подкупленной. А вот большая, тёмная и сухая, как солёный судак, Матрёна Барская говорила иное:

- Весь город стоном стонет, Ульяна, про тебя; как это не боишься ты этих пришлых? Ой, гляди! Недаром один парень горбат, не за мал грех родителей уродом родился...

Трудно было вдове Баймаковой, и всё чаще она поколачивала дочь, сама чувствуя, что без причины злится на неё. Она старалась как можно реже видеть постояльцев, а люди эти всё чаще становились против неё, затемняя жизнь тревогой.

Незаметно подкралась зима, сразу обрушилась на город гулками метелями, крепкими морозами, завалила улицы и дома сахарными холмами снега, надела ватные шапки на скворешни и главы церковей, заковала белым железом реки и ржавую воду болот; на льду Оки начались кулачные бои горожан с мужиками окрестных деревень. Алексей каждый праздник выходил на бой и каждый раз возвращался домой злым и битым.

Что, Олёша? - спрашивал Артамонов. - Видно, здесь бойцы ловчее наших?

Растирая кровоподтёки медной монетой или кусками льда, Алексей угрюмо отмалчивался, поблескивая ястребиными глазами, но Пётр однажды сказал:

- Алексей дерётся лихо, это его свои, городские, бьют.

Илья Артамонов, положив кулак на стол, спросил:

- За что?

- Не любят.

- Его?

- Всех нас, заедино.

Отец ударил кулаком по столу, так что свеча, выскочив из подсвечника, погасла; в темноте раздалось рычание:

- Что ты мне, словно девка, всё про любовь говоришь? Чтoб не слышал я этих слов!

Зажигая свечу, Никита тихо сказал:

- Не надо бы Олёше ходить на бои.

- Это - чтобы люди смеялись: испугался Артамонов! Ты - молчи, пономарь!

Сморчок.

Изругав всех, Илья через несколько дней, за ужином, сказал ворчливо-ласково:

- Вам бы, ребята, на медведей сходить, забава хорошая! Я хаживал с князь Георгием в рязанские леса, на рогатину брали хозяев, интересно!

Воодушевсь, он рассказал несколько случаев удачной охоты и через неделю пошёл с Пётром и Алексеем в лес, убил матёрого медведя, старика. Потом пошли одни братья и подняли матку, она оборвала Алексею полушубок, оцарапала бедро, братья всё-таки одолели её и принесли в город пару медвежат, оставив